

УДК 392.5:003(=511.152)

Г.А. Корнишина

Предметная символика мордовского свадебного обряда

Аннотация. В статье рассмотрена вещно-предметная среда мордовской свадебной обрядности. На примере отдельных предметов бытового обихода проанализированы их ритуальные и утилитарные функции, связанные с ними сакральные представления, а также прослеживаются тенденции модификации материальной среды свадебной церемонии. Особо отмечается, что символическое значение бытовых предметов в свадебном цикле мордвы было весьма разнообразно. Они могли указывать на содержание обряда, объединять совокупность его участников, служить атрибутом того или иного персонажа.

Ключевые слова: свадебный обряд, вещно-предметная среда, сакральные функции, утилитарное применение, апотропеи, продуцирующая магия, огораживание, старший поезжанин, свадебный сундук – *парь*, свадебная кибитка – *он ава*.

G.A. Kornishina

The symbolic value of household items in the mordovian wedding ceremony

Summary. The article deals with the material environment of the Mordovian wedding ritual. On the example of some everyday household items the author analyses their ritual and utilitarian functions, sacral representation connected with them, as well as the trends of change in the material environment of the wedding ceremony. In particular, it is noted that the symbolic value of household items in the wedding cycle of the Mordovians were very different. They can determine the content of the rite, unite its members and serve as an attribute of one or another character.

Keywords: wedding ceremony, tangible environment, sacred function, utilitarian use, apotropaion, producing magic, crawling around, the head of the wedding procession, wedding chest – *par'*, wedding cart – *on ava*.

Обрядовые циклы представляют собой сложный синтез различных компонентов: религиозных верований, устно-поэтического творчества, декоративно-прикладного искусства и др. Важная роль в них принадлежит и предметам материальной культуры: пище, одежде, жилым постройкам, бытовым предметам. Включенные в обрядовое действие, они приобретают символическое значение.

В данной статье рассматривается символика предметов утилитарного назначения, используемых в мордовской свадебной обрядности. Их изучение интересно не только в научном плане, оно имеет и практическое значение, так как потребность людей в создании особой атмосферы важнейших событий семейной жизни очень велика. Поэтому знание материальных компонентов традиционных ритуалов может помочь организаторам современных церемоний.

Надо отметить, что символическое значение бытовых предметов в свадебном цикле весьма разнообразно. Они могли указывать на содержание обряда (сундук – *парь* невесты), объединять совокупность его участников (алашат – палки, изображавшие «лошадей» во время выноса свадебных пирогов), служить атрибутом того или иного персонажа (кнут, коса или сабля старшего поезжанина). Бытовые предметы, как и другие материальные компоненты, выполняли и различные магические функции: апотропеические, очистительные, продуцирующие и др. Они могли служить и фоном, декорацией для исполнения обряда, для создания праздничного настроения, а также играть и вспомогательную роль (как, например, повозки, на которых участники ритуала прибывали на место его проведения, использовались они и во время различных обрядовых катаний).

Весьма распространенное применение в традиционной культуре различных народов, в том числе и мордвы, имели металлические предметы. Они часто употреблялись в апотропеических целях, т.е. должны были устранить вредное влияние потусторонних сил, уберечь от несчастий, болезней, сглаза. Эти их свойства использовались и в свадебном обряде мордвы. В первую очередь с их помощью во время свадебных торжеств пытались уберечь от порчи невесту и жениха. Особенно опасным считался первый день свадьбы – с момента приезда свадебного поезда за невестой и до укладывания в постель молодых. Именно в этот период их тщательно оберегали. До настоящего времени сохраняется обычай втыкать в одежду молодоженов иголки. Раньше полагали, что колдун, собираясь нанести им вред, поранит о них свои руки и это отвратит беду [1, 93]. Подобным же образом предохраняли новобрачных и марийцы, которые втыкали иголки или булавки в нагрудную вышивку рубахи и головных уборов. Кроме того, невеста надевала на свадьбу множество украшений, составными частями которых часто были металлические детали (оловянные пуговицы, цепочки, монеты и т.д.). Они также являлись оберегами.

Свадебный поезд у мордвы «охранял» старший поезжанин с ножом, косой, топором или саблей в руках. Вероятно, его изначальным «оружием» была сабля, так как у мокши этого свадебного персонажа называли торонь канды (тор – сабля, кандома – носить). Затем сабля, по свидетельству В.Н. Майнова, стала заменяться: «за неимением ее косой или ножом». Огораживание, т.е. обход свадебного поезда старшим поезжанином, проводилось перед отправлением за невестой, а также и после выноса последней из родного дома. При этом дружка три раза обходил вокруг поезжан, читая заклинания от «сглаза» и делая на земле кресты. В.Н. Майнов сообщал, что торонь канды чертил на земле не кресты, а мету жениха (тяшть – м., тешть – э.), чтобы «добрые силы догадались по этому знаку, кому они должны помогать» [2, 118]. Вероятно, до принятия христианства именно такие знаки и делались во время огораживания, постепенно они заменились крестами. Торонь канды делал магический обход с обнаженной саблей и вокруг брачной постели, перед укладыванием на нее молодых. А затем сваха кре-

стила их этой саблей. В некоторых местах каким-либо металлическим предметом (саблей, ножом, топором) дружка или сваха крестили и дверь в опочивальню молодоженов.

Старший поезжанин применял свое «оружие» и как знак устрашения. При выносе невесты из родного дома она всячески сопротивлялась: хваталась за стол, косяки двери, перекладину ворот. Она проделывала это до трех раз. Затем дружка ударял саблей или другим предметом подле руки девушки, как бы угрожая ей, если она не покорится. Данный обычай продолжает кое-где бытовать и в настоящее время. В селе Чувашское Урметьево Челно-Вершинского района Самарской области старший поезжанин, которого здесь называют уредев, так же ударяет ножом по косяку двери, чтобы прервать затянувшееся прощание невесты с домом. А в селе Пылково Лопатинского района Пензенской области эта церемония несколько видоизменилась: уредев на косяках всех дверей делает топором кресты, чтобы девушка никогда не возвратилась назад в родительский дом (то есть для предотвращения развода) [3, 209]. Дружка пользовался топором для «запугивания» окружающих и во время обряда лемиема – м., лемдема – э. (наречения молодухи новым именем). После его окончания поезжанин обходил всех присутствующих с топором в руках, спрашивая каждого о новом имени молодой. Обойдя всех, он снимал с головы шапку и разрубал ее на мелкие части. Это означало, что так же он поступит со всяким, кто осмелится назвать новобрачную девичьим именем. Постепенно этому обряду стали придавать значение разрушения девственности молодой, а уредев вместо своей шапки стал разрубать женский головной убор.

Апотропеическим средством считался также и шум, который производился ударами о металлические предметы. Для воспроизведения ритуального шума часто применялись печные заслонки, сковородки, тазы, в которые били чергами, палками и т.п. В целях отпугивания злых сил употреблялись и колокольчики, которые были одним из составных элементов так называемых шумящих украшений мордвовок. Как и вышивка, аппликация и т.п., они (наряду с эстетическими) играли и защитительную роль. Не случайно всевозможные подвески, цепочки, бубенчики располагались на таких

важных участках тела, как голова, грудь, пояс и бедра. П.С. Паллас писал, что у женщин к шапке «привешены мелкие цепочки, небольшие лопасти и белобочки» [4, 109]. Подобные украшения, естественно, издавали шум при ходьбе. Недаром соседи мордвы – русские – говорили: «Мордовку сначала услышишь, а потом увидишь». Такой шум должен был отгонять от женщин злые силы. Поэтому, например, на невесту надевали большое количество подобных украшений.

Обрядовый шум во время свадебного обряда производили при проводах свадебного поезда из дома невесты, ее родственники били в ведра, заслонки, чтобы «расчистить» молодым путь от «нечистой» силы. Аналогично поступали и родственники жениха, провожая урвалей (сопровождающих молодую). Колокольчики привязывали на конец лопаты, которой вынимали свадебные пироги из печи. При этом стряпухи молились, чтобы они были «и целыми, и добрыми». В этом случае апотропейная магия сливается с положительной, способствующей удачному приготовлению пирогов. А это в свою очередь должно было способствовать удачному браку. Подобное слияние наблюдается и в использовании колокольчиков, которые привешивали к дугам лошадей. Вероятно, первоначально их звон должен был отпугивать злые силы, а затем он стал знаком праздника, оповещением о приближении гостей, сватов и т.д., то есть этот шум стал соотноситься с добрым предзнаменованием. Недаром у мордвы, если встречались на дороге два свадебных поезда, то дружки отвязывали от дуг колокольчики, наливали в них вина и угощали друг друга, желая благополучия молодым. У мокши бывшего Темниковского уезда таким образом поезжане поминали около кладбища всех покойных родичей, когда они возвращались домой с невестой.

В качестве апотропея в обрядах мордвы часто фигурировал кнут (локшо – м., э.). Этому способствовали такие его качества, как возможность производить шум, а также наносить удары, то есть «бить» злые силы. Так, кнут, наряду с саблей или ножом, применял уредев для «огораживания» свадебного поезда. С кнутом дружка стоял и в церкви, «охраняя» невесту.

Данный предмет мог быть и своеобразным знаком, который указывал на роль того или

иного персонажа в обрядовом действии. Например, в свадебном ритуале кнуты, кроме старшего поезжанина, имели и провожатые невесты – урвала. Один из них бросал его под ноги новобрачной, когда она подъезжала к церкви. А та, встав на кнут, говорила: «Я пастух, а вы овцы». Полагали, что в этом случае она будет главенствовать и управлять домом.

Часто кнут использовался ряжеными. Одним из самых популярных персонажей свадебного ряженья до настоящего времени является пастух. Он возглавляет группу ряженных, командует ими, «подгоняет» их кнутом (настоящим или его имитацией – веревкой, скрученным полотенцем или разноцветными тряпками, пучком соломы), «грозит» этим предметом новым родственникам, требуя от них вознаграждения. В конце концов «разбушевавшегося» пастуха запирают в чулане или сарае.

Иногда ряженные используют вместо кнутов палки, которые обычно служат символом долгой дороги. Например, родственницы жениха, созывающие гостей на свадьбу, ходят это делать с палками в руках, так как считается, что им предстоит «долгий» путь. Недаром, возвращаясь после обхода, девушки поют, что ходили они «от утра до вечера по шести раз – позвали всего десятую часть; ходили два года – собрали только половину; пошли еще раз – исходили 49 пар башмаков, износили 49 платьев...» [2, 65]. Кроме того, в данной ситуации палки служили и для извещения хозяев о приходе гонцов. В прошлом дом стоял довольно далеко от ворот, и надо было громко стучать в них, чтобы хозяева услышали.

Изогнутые палки могут изображать «лошадей», на которых «ездят» участники обрядового действия. Так, в Атяшевском районе Республики Мордовия женщины (родственницы жениха) при встрече свадебного поезда, возвращающегося из ЗАГСа, останавливают машины и, «оседлав» разукрашенные палки, «везут» молодых к крыльцу. А в с. Клявлино Клявлинского района Самарской области на палке, впереди процессии, которая сопровождает невесту, идущую за водой, «едет» женщина, изображающая Медведя [3, 237].

В ходе свадебной церемонии применяются и предметы домашней утвари. Таким символическим предметом у мордвы были свадебные долбленые сундуки – парья, шувамня – м.;

парь, авань парь, эрямо парь – э. Делали их из липы с хорошо подогнанным днищем и плотной крышкой. Пари были различных размеров, средняя их высота достигала 80–90 см, к ним навешивали массивные чугунные скобы для замков. В этих сундуках хранили холст, полотно, самую ценную одежду и украшения, поэтому при пожарах их выкатывали из дома в первую очередь. Парь готовил свекор в подарок невестке. Обычно его заказывали мастерам. Заказчик рассчитывался зерном или работал в хозяйстве мастера столько дней, сколько тот делал парь. Они покрывались богатой резьбой, которая несла определенный сакральный смысл и должна была способствовать счастью, благосостоянию и многочисланию молодой семьи. Пиктографические знаки, отображающие трудовые процессы (например, производство холста), представлены условными фигурами людей (жениха, невесты, их будущих детей), а также женскими украшениями и орудиями труда.

Обряд укладки паря (парьянь вачкама – м., парень вачкамо – э.) являлся важным моментом мордовской свадьбы. Он был не только знакомством с материальным благосостоянием невесты, но и должен был «обеспечить» ее счастливую семейную жизнь. Поэтому вначале парь очищали от «нечистой силы» (обводили зажженной свечой, иконой, сыпали щепотку соли), затем на его дно клали деньги, хлеб, лепешки, иногда посуду, чтобы «сундук всю жизнь не был пуст, чтобы молодые жили богато». Подобный обряд – укладывание сундука невесты – существовал и у марийцев. Крестная мать невесты и ее родители перед укладкой вещей бросали на дно сундука хмель, зерно и мелкие монеты, чтобы у дочери не переводилось добро. А поверх одежды помещали посуду и каравай хлеба.

Когда выдолбленные пари стали заменяться дощатыми сундуками, этот обряд продолжал сохраняться. Сундуки также заказывали мастеру, который часть заработанных денег клал внутрь него, «чтобы жизнь не была пустой». У многих пожилых женщин и сейчас продолжают сохраняться пари и сундуки, в которых они держат одежду. Некоторые приспособили пари для хранения зерна, муки, так как они не пропускают влаги, и эти продукты в них не портятся.

Еще одним предметом, употреблявшимся во время свадьбы, была коробочка кель парго

(букв. короб – язык). Ее готовили для невесты родственницы, наполняящие коробочку кольцами. В доме жениха молодая все время держала ее в руках и каждый раз, когда к ней обращались за чем-либо или оказывали какую-то услугу, она вместо ответа или в знак благодарности дарила кольцо из коробочки. После свадьбы новобрачная прятала ее в сундук и хранила до конца жизни. Сами женщины нередко называли ее уцяскань парго (короб злобы).

В свадебных обрядах часто фигурирует и различная посуда. Так, при встрече молодой в доме жениха ей под ноги ставили сковороду, куда насыпали угли или горящий хмель. Молодушка должна была трижды отшвырнуть ее. В источниках XVIII века сообщается о том, что по тому, как падала сковорода, судили о будущей жизни молодых. Если она перевортывалась дном вверх – это сулило несчастье, если же – дном вниз, и притом хмель не просыпался, это было предзнаменованием счастливой жизни новобрачных. И.И. Лепехин сообщал, что данный обряд совершался и женихом [5, 173–174]. С XIX века этому действию стали придавать значение определения характера невесты: если она с силой отталкивала сковороду, полагали, что она сердитая и непокорная; если тихо – то считали, что у нее мягкий характер. Кроме того, сковорода здесь выступала и как знак будущих обязанностей молодой. Родственница, которая ставила ее к ногам новобрачной, говорила: «Будь пекущей и варящей». В настоящее время данный обычай в тех местах, где он сохранился, превратился в развлечение, повод для шуток и смеха.

Возможно, что первоначальный смысл этого обряда был связан с охраной молодых от всяческих бед и несчастий, откуда и пошло гадание о будущей судьбе молодоженов. В нем употребляются два весьма распространенных апотропея – железные вещи и огонь. Е.Г. Кагаров истолковывал его как остаток первобытной формы присяги, когда люди в подтверждение своих слов вставляли на раскаленный камень или какой-либо другой предмет, в данном случае на сковороду [6, 193].

Посуда фигурировала и в других свадебных обрядах. Так, сразу после отъезда свадебного поезда из дома невесты ее родственницы идут к жениху опуштонь кандомо (нести приношение). Женщины приносят для молодой ложку,

чашку, кружку. Распространенным свадебным обрядом было битье горшков (шакшонь порк-сама – м., чакшонь тапсеме – э.), он совершался в доме жениха. Бытовал он и у русских, символизируя потерю невинности молодой. Среди мордвы такое значение ему стало придаваться лишь с начала XX века, да и то не повсеместно. Основным же его предназначением было «выселение» из избы «нечистой силы», которая якобы проникала туда вместе с посторонними, когда двери были открыты для всех. Полагали, что если не исполнить данного обряда, то в доме не будет житья – духи по ночам будут плясать и петь. В некоторых селах битье горшков сопровождалось игрой на дудках и ударами в печные заслонки, что подтверждает апотропеический характер данного действия. С течением времени ему стали приписываться и другие функции. Так, у мокши горшки били стряпухи на третий день свадьбы и затем плясали на них, чтобы жизнь молодых была счастливой и веселой. Кроме того, это являлось знаком для родственников новобрачной (арьхци) о том, что им пора отправляться домой. Об этом пели исполнительницы обряда:

Вышел срок, настал ваш час,
Теперь уж нет вам здесь места.
Теперь пора домой идти,
Весело вам всем добраться [7, 131]

В мордовских селах Абдулинского и Северного районов Оренбургской области описываемый обряд сохраняется и теперь. Гости на второй день свадьбы бьют горшки, пляшут на них, а затем просят, чтобы молодая показала, какая она хозяйка, – подмела за ними пол.

В Клявлинском и Шенталинском районах Самарской области термином чакшонь тапсеме называют один из развлекательных моментов хождения молодых за водой к колодцу или роднику, когда у них отбирают ведра, выливают из них воду, отбрасывают в сторону кружку, из которой новобрачная должна поить всех встречающих. Иногда вместо ведер молодым дают горшки, кастрюли, чугуны, то есть здесь наблюдается слияние двух обрядов: первый выход молодухи за водой и битье посуды. В селах Большое и Малое Пермиево Никольского района Пензенской области обряд, во время которого невеста поит всех гостей водой по окончании свадебного пира, называется кече явшеме (раздача ковшей). Во время него

присутствующие также мешают ей наполнять кружку водой, а выпив, отбрасывают посуду в сторону [8, 101].

В свадебном обряде встречается и применение постельных принадлежностей (подушек, перин, матрасов). Они выступали как знаки плодovitости и достатка. Это было следствием того, что их делали из перьев и пуха уток или кур, которые являлись символами прогенитации, продуцирующей магии. Предметы эти также отличались множественностью, что должно было, по народным представлениям, повлиять на благосостояние и детородность молодых. Недаром в доме родителей невесты их сажали на подушку. В некоторых местах невесту и из дома выносили на подушке или перине. Эти вещи клали и в кибитку, в которой невеста ехала к венцу. Иногда она сидела на постели, когда отправлялась в церковь на телеге.

Использование подушки в свадебном обряде наблюдалось и у удмуртов. По приезде невесты в дом жениха, под ноги ей бросали подушку, желая «мягкой» жизни в новой семье. В избе ее также сажали на подушку, чтобы молодым жилось в тепле и достатке. На чувашской свадьбе молодые, как и у мордвы, сидели на подушках.

Для передвижения участников свадьбы были необходимы транспортные средства, которые иногда выполняли те или иные ритуальные функции. Отец жениха, а также и его родственники обеспечивали повозками поезжан. В свадебном поезде их количество, как и всего остального на свадьбе, должно было быть нечетным. В некоторых местах для невесты делали специальную кибитку на аве или улема кудо. Устраивалась она зимою на санях, а летом на телеге: по их краям сгибали две ивовые дуги, поверх которых связывали прутья. Кибитка покрывалась белым холстом, конец которого закрывал вход в повозку, чтобы не было видно лица невесты. Он аву украшали разноцветными лентами, кистями, позументом. Устройство ее вменялось в обязанности отцу жениха, причем обо всех деталях убранства договаривались во время сватовства. Если родители парня не выполняли условия договора, то дело иногда доходило до волостного суда, который приговаривал заплатить молодой сумму, равную цене невыполненных украшений для он авы. В мордовских селах Саранского и Симбир-

ского уездов, а также Ставропольского уезда Самарской губернии эту кибитку должны были готовить провожатые невесты – урывают, но на повозке, предоставляемой ее будущим свекром. Невеста, садясь в он аву, причитала:

Красота белая он ава!

Доброта белая он ава!

Если буду я счастливой,

В вышину сделайся выше, в ширину – шире,

Если буду я несчастна,

В вышину сделайся ниже, в ширину – уже,

На лицо желтее [1, 404]

На второй день свадьбы кибитку сжигали в печке. Когда свадебный поезд после венчания приезжал к жениху, то уредев снимал повозку, в которой ехала невеста, со шкворня. Это означало, что молодой теперь получал известные права над своей супругой.

Иногда транспортные средства выступали на свадьбе и в качестве подарка молодым. Конечно, позволить это себе могли лишь состоятельные люди. Так, жительница села Клявино Клявлинского района Самарской области Татьяна Васильевна Н. сообщила, что ее свекрови крестный отец подарил на свадьбе лошадь и тарантас [3, 233].

Довольно часто в свадебной обрядности фигурируют деньги, как правило, серебряные или медные монеты. Это в первую очередь обусловлено их материальной ценностью, поэтому они выступали как символ достатка и благополучия. Ими осыпают молодоженов, серебряные монеты («на разживу») клали и в обувь молодых во время одевания к венцу. Деньги оставляли на их постели после первой брачной ночи. Они используются и по своему прямому назначению для выкупов, которые и сейчас практикуются на свадьбе: плата за вход в дом родителей невесты, за место около нее, «продажа» подругами невесты наряженных ими шапок поезжан, выкуп постели и т.д. Все они связаны с пережитками родственных традиций, когда сородичи просватанной девушки получали свою долю от ее продажи в чужую семью.

Таким образом, бытовые предметы утилитарного назначения, включенные в обрядовое действие, могли выполнять разнообразные функции: апотропейные, быть символами достатка и благополучия, выступать в качестве даров и т.д.

У различных территориальных и этнических групп мордвы сформировалась в основном единая система предметной символики свадебного цикла. Во многом она сходна с системой обрядовых предметов у народов Урало-Поволжья, а также и у других этносов, принадлежащих к единому с мордвой хозяйственно-культурному типу, хотя, конечно, эти компоненты по-разному варьируются в обрядовой культуре отдельных народов. Например, у мордвы и удмуртов в свадебной обрядности использовалась подушка с целью обеспечения невесте благополучной жизни: у мордвы новобрачную сажали на эту подушку, а у удмуртов – бросали ей под ноги. Более того, сходные обрядовые действия у отдельных этносов могут восприниматься их носителями по-разному: битье горшков на мордовской свадьбе предполагало изгнание нечистой силы из дома, а у русских символизировало лишение молодой девственности.

В процессе исторического развития преобразовываются как сами обряды, так и их материальная среда. С уходом из быта традиционных предметов обихода исчезают и связанные с ними ритуалы, как, например, изготовление традиционных свадебных сундуков (парей). Изменяется и смысл использования тех или иных материальных компонентов, они теряют свое символическое значение, начинают использоваться в развлекательных целях, то же битье горшков. Естественно, что изменяются и сами вещи: их материал, способы изготовления. В основном предметы, используемые в современных обрядах, являются покупными, изготовленными промышленным способом, а не кустарным или ручным, как прежде. В обрядовые действия включались новые компоненты, заменяя или дополняя традиционные. Так, в качестве апотропеев часто стали использоваться церковные атрибуты: кресты, иконы, ладанки и т.п. В традиционных ритуалах появились и предметы гражданской обрядности – ленты с государственной символикой основных свадебных чинов, то есть изменения в экономической и социальной сферах значительно преобразовали и вещно-предметную среду обрядовой культуры мордвы, как впрочем и других народов.

Литература

1. Евсевьев М.Е. Историко-этнографические исследования / М.Е. Евсевьев // Избр. тр. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1966. Т. 5. 552 с.
2. Майнов В.Н. Очерки юридического быта мордвы / В.Н. Майнов // Зап. РГО. СПб., 1885. Т. 14. Вып. 1. 267 с.
3. Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса / Г.А. Корнишина. Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Germany, 2011. 371 с.
4. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П.С. Паллас. СПб., 1809. Ч. 1. 773 с.
5. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году / И. Лепехин. СПб., 1771. 538 с.
6. Кагаров Е.С. Состав и происхождение свадебной обрядности / Е.С. Кагаров // Сборник музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 152–193.
7. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Мокшанская свадебная поэзия. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975. Т. 6. Ч. 2. 400 с.
8. Корнишина Г.А. Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект) / Г.А. Корнишина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 156 с.

References

1. Evsevev M.E. Istoriko-etnograficheskie issledovaniya / M.E. Evsevev // Izbr. tr. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1966. T. 5. 552 s.
2. Maynov V.N. Ocherki yuridicheskogo byita mordvyi / V.N. Maynov // Zap. RGO. SPb., 1885. T. 14. Vyip. 1. 267 s.
3. Kornishina G.A. Traditsionno-obryadovaya kultura v sisteme mordovskogo etnosa / G.A. Kornishina. Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Germany, 2011. 371 s.
4. Pallas P.S. Puteshestvie po raznyim provintsiyam Rossiyskoy imperii / P.S. Pallas. SPb., 1809. Ch. 1. 773 s.
5. Lepehin I. Dnevnyie zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk ad'yunkta Ivana Lepehina po raznyim provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva v 1768 i 1769 godu / I. Lepehin. SPb., 1771. 538 s.
6. Kagarov E.S. Sostav i proishozhdenie svadebnoy obryadnosti / E.S. Kagarov // Sbornik muzeya antropologii i etnografii. L.: Izd-vo AN SSSR, 1929. S. 152–193.
7. Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. Mokshanskaya svadebnaya poeziya. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1975. T. 6. Ch. 2. 400 s.
8. Kornishina G.A. Ekologicheskoe vozzrenie mordvyi (religiozno-obryadovyyi aspekt) / G.A. Kornishina. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2008. 156 s.